

Дина Рубина

Старые повести о любви

Старые повести о любви

Дина Рубина

Чужие подъезды

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Чужие подъезды / Д. И. Рубина — «Эксмо», — (Старые повести о любви)

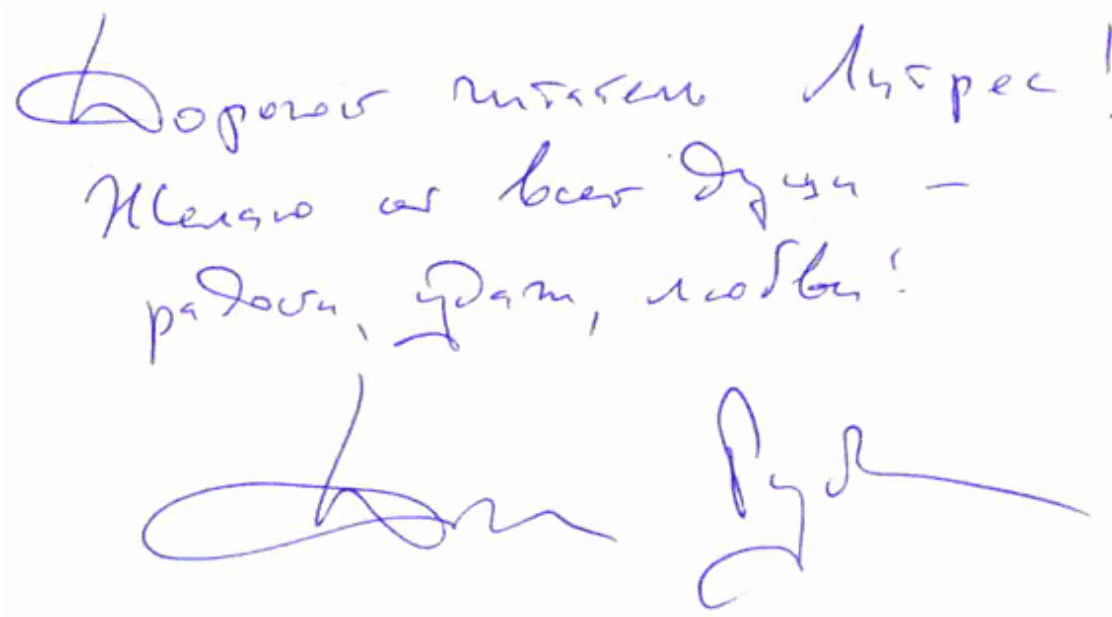
ISBN 978-5-425-00359-1

«У Ильи был дом, где все друг друга очень любили, но никто никого не уважал. Так уж повелось с незапамятных лет. Натуры у домашних были широкие и шумливые, а площадь квартиры тесноватая – две комнатухи и кухонька, так что развернуться вширь и не наступить на чье-то самолюбие было мудрено. Давным-давно одна такая натура не выдержала, ей показалось, что остальные занимают места больше, чем положено, и с тех пор мать Ильи каждый месяц получала по почте переводы. Даже сейчас, когда самому Илье уже за тридцать или, как иногда в сердцах говорит мать, – под сорок, нет-нет да мелькал в почтовом ящике корешок перевода...»

ISBN 978-5-425-00359-1

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина Чужие подъезды

У Ильи был дом, где все друг друга очень любили, но никто никого не уважал.

Так уж повелось с незапамятных лет. Натуры у домашних были широкие и шумливые, а площадь квартиры тесноватая – две комнатухи и кухонька, так что развернуться вширь и не наступить на чье-то самолюбие было мудрено.

Давным-давно одна такая натура не выдержала, ей показалось, что остальные занимают места больше, чем положено, и с тех пор мать Ильи каждый месяц получала по почте переводы. Даже сейчас, когда самому Илье уже за тридцать или, как иногда в сердцах говорит мать, – под сорок, нет-нет да мелькал в почтовом ящике корешок перевода.

– Дылда, – говорила тогда мать Илье, – посмотри-ка, дитяtko небритое, опять старый леший на тебя алименты прислал.

– Эх, Семен, Семен... – вздыхала тогда бабья. Мать по этому поводу уже лет пятнадцать не вздыхала. Для вздохов у нее давно подоспел другой объект – Илья.

Илья, считала мать, получился непутевым. Он не оправдал того, что должен был оправдать, и не достиг того, чего должен был достигнуть, судя по сочинениям, писанным в десятом классе. Сочинения мать берегла и прибегала к ним в критических ситуациях, когда Илью требовалось «донять». Донять его было нелегко, но иногда это удавалось, и тоненькая пачка сочинений разлеталась по комнате, подобно стае птиц, опустившихся с небес на болото.

Расшвыряв тетрадки, Илья хлопал дверью и исчезал дня на три. В квартире на полчаса воцарялась горестная тишина и шелест тетрадок, подбираемых матерью.

– Он мог стать человеком, – глядя мимо пригорюнившейся бабки, говорила мать, – у него прекрасное чувство слова, у него есть стиль, это очень редко, когда писатель может похвастаться стилем, он должен был работать над собой, посмотри, мама, как он писал в десятом классе: «В черном маслянистом пруду неторопливо плыл лебедь с восклицательной шеей...»

Бабья плохо разбиралась в лебедях, но полностью доверяла своей дочери, отбарабанившей в школе тридцать пять лет.

Илью бабаня любила слепой неистовой любовью, и эта бешеная любовь не давала ей понять, почему вести рубрику «О том, о сем» в «вечерке» менее престижно, нежели писать хорошим стилем о лебедях.

Внук назывался звучным словом «журналист», был со всеми на «ты» и ничего не брал себе в голову.

– Ты, бабань, слушай, – доверительно советовал он ей, – допускай все до лифчика, а в сердце пусть не идет. Поняла?

Внук был стержнем и смыслом ее жизни, она безоговорочно принимала и его дрянные синие штаны под названием «джинсы», и вечный беспорядок в его сквозняковой жизни, и идиотские словечки, и полуночные нетрезвые появления. Бабане страстно хотелось только одного: чтобы Илья был здоров и женился на хорошей девушке.

Чтобы Илья забыл, наконец, Наташу...

В то, что он даже спустя десять лет любит Наташу, бабаня верила свято, и ничто не могло поколебать ее неистребимую веру в благородное и самоотверженное сердце внука.

– Кого он любит? – насмешливо и горько спрашивала мать, и дешевая папироска – неистребимая военная привычка, – гуляла из правого угла ее рта в левый. – Никого он не любит!

Мать была не права. Наташа Илье, конечно, нравилась. Можно даже сказать, она устраивала его во всех отношениях: была ненавязчива, отходчива, неглупа. За те три года, что они встречались, никто из приятелей не был Илье ближе, и никому не хотелось рассказать о себе так много, как Наташе. Пожалуй, еще год-два и Илья вздумал бы жениться на ней. Но Наташа не дождалась этого дня и вышла замуж за какого-то аспиранта.

Произошло это как раз в то лето, когда Илья укатил в молодежный лагерь на Черном море. Думали сначала поехать вместе, но в последнюю неделю они рассорились, Наташа помрачнела, задумалась и свою путевку сдала. Илья уехал один.

Через месяц ворвался он, солнечный и веснушчатый, с выгоревшими волосами и бровями. Обзвонил весь город, вымылся в ванне и вечером умчался к Наташе...

Бабка дожидалась внука на кухне. Весь день силилась сказать ему о Наташе и не могла – трусила. Теперь сидела в темной кухне на табурете и тряслась от страха и тоски. Все чудилось ей, что внук либо Наташу убьет, либо мужа ее, либо сам в окно прыгнет. Давно улеглась дочь в столовой, а бабка все ждала, тревожно глядя в ночное окно.

Наконец позвонили. Она вскочила с табуретки, засуетилась, вытерла сухие руки о фартук и побежала открывать. На пороге стоял сильно веселый пьяный Илья.

– Здравствуйте, входите! – приветливо пригласил он бабку на лестничную площадку.

– Не ори, мать спит! – грозно крикнула та, хотя струхнула. Она не знала еще, как следует вести себя с пьяным внуком.

– Здесь дует... – сердечно и кротко заметил Илья, – пусти, барин, в переднюю...

Он обнял бабаню и очень серьезно объяснил ей свистящим шепотом:

– Понимаешь, бабань, нельзя переть против непреложного факта: ведь я мужчина, а? Так оно и есть!

– Молодец, – укоризненно сказала бабаня. – Удрызгался. – Потом Илья минут двадцать стоял под ледяным жалящим душем, слегка протрезвел, и они с бабкой долго болтали на кухне, и внук рассказывал про всякие чудные дела на свете. Вот, мол, живешь ты, бабаня, борщи готовишь, в очередях стоишь, а они ведь шляются где-то поблизости на своих неопознанных объектах, высматривают что-то, подлецы. И, между прочим, непонятно, что им от нас нужно. Вот так, в один прекрасный день...

Бабка ужасалась, ахала, и весь вид ее говорил о том, что и рада бы она не верить, да как же не верить, если Илюша говорит. И вдруг, осекшись на полуслове, как-то судорожно гор-

стью взметнула с худых колен засаленный фартук и, окунув в него лицо, тихонько затряслась в беззвучном плаче.

– Ба, ты что?! – оторопело спросил Илья.

– О-ой, Ильюшенька-а... как же ты Наташку-то упустил-прозевал?! Горе-то какое, горе!.. – За три года бабана крепко привязалась к ласковой Наташе, и теперь мысль о том, что Наташа будет рожать правнуков не ей, а совершенно чужой женщине, была нестерпимой. – Ой, Наташка-Наташенька, что ты с нами сделала... о-ой, горе!..

– Нашла горе! – грубо и насмешливо оборвал Илья. – Ну, давай, поплачем, ну, давай: у-у-у... – но неожиданно в горле его что-то сдавило, противно заныло в глубине груди, захотелось подвывать бабана.

– Что ты жалеешь его! – в дверях кухни, растрепанная, седая, в короткой, до колен, ночной рубашке стояла мать. Тапочки на ее жилистых петушиных ногах смотрели в разные стороны. Это было смешно, и Илье расхотелось плакать.

– Что ты жалеешь его?! – с остервенением повторила мать. Схватила с холодильника пачку «Примы», судорожно закурила.

– Проклятое племя! Ни во что и никому не верят, даже себе не верят! Когда они, наконец, влюбляются, они спешат убедить себя в том, что это только кажется. Стрессов боятся!

– Тихо, Валя, тихо! – взмолилась бабана, сморкаясь в фартук.

– Стрессов боятся! – жестко повторила мать, тыкая папироской в сторону Ильи. – Хотят прожить жизнь, ни к чему не имея отношения. Это сейчас модно. Семью на плечи взвалить боятся, детей родить – боятся, жизнь положить на серьезное стоящее дело – боятся! Наташка права, сто раз права! Разве можно положиться на этого шалопа, мама? Посмотри, он же ни к чему не пригоден, только вот к этому! – Она выхватила из стопки старых газет на подоконнике «вечерку». – Вот, пожалуйста: «У меня на посуде испортилась эмаль. Где можно ее восстановить и можно ли в такой посуде солить овощи?» Отвечают... вот он отвечает, мам: «В посуде с отбитой эмалью...»

– Хватит, – сказал Илья.

– Овощи солить не рекомендуется! – крикнула мать. – И это его устраивает, этим он готов заниматься всю жизнь!

– Тихо, Валя, тихо... – умоляюще повторила бабана.

– И если бы он был бездарностью... А как он писал в десятом классе! Какое у него врожденное чувство слова, какая музыкальная фраза! Я помню наизусть: «Мы вошли в подьезд, отряхивая дождевые капли. Сверху, с чердака, к нам спускался дымчатый котенок, на крутой спинке которого, словно штопки на чулке, сидели два крошечных листочка...»

– Все? – спросил Илья, поднимаясь. – Я спать пошел.

– Ты, знаешь, кто? – тихо сказала мать, глядя в глаза сыну. – Ты улитка. Ты – млекопитающее.

– Ну, что-нибудь одно, мать, не смешивай виды, – спокойно попросил он и вышел из кухни.

После этого дня Илью закрутил сумасшедший вихрь. Поезд его сердечных устремлений мчался на дикой скорости в неизвестном направлении, и в окнах его мелькали едва различимые женские лица: Ирина, Анжела, Вероника... И хотя имя Наташи вспоминалось в доме часто, особенно по вечерам, вся эта история уже не имела к Илье ни малейшего отношения и нисколько не задевала его, как не задевают верхушки деревьев облака, проплывающие где-то в непостижимой вышине.

* * *

По субботам бабаня стирала белье в старой стиральной машине «Ура...» Много лет назад машина называлась «Урал» и исправно перемалывала тряпичное содержимое в своей моторизованной утробе. Но годы шли, машина дряхлаела вместе с хозяйкой, в сердце ее начались перебои, а буква «л» в названии стерлась. Оттого, что в конце слова отсутствовал привычный для него восклицательный знак, машина выглядела сильно утомленной, как оно и было на самом деле.

Илья но этому поводу упражнял свое остроумие.

– Эта бравая стиральная машина, – говорил он, – это воинственное утильсырье... эта ликующая рухлядь...

Машина агонизировала. Ее дряхлый организм нуждался в постоянной квалифицированной помощи, и бабаня заранее договаривалась с Ильей о дне стирки. Внук должен был присутствовать и подстраховывать.

Сегодня была суббота, и хотя утром с Ильей состоялся крепкий уговор, бабане, как всегда, не сиделось. В два часа дня из школы пришла Валя, пообедала, разложила на столе учебники, села писать планы.

– Илюшке бы позвонить! – озабоченно крикнула из кухни бабка. – Ведь забудет, что сегодня стираем, закатится куда-нибудь.

– Без него обойдемся... – буркнула дочь, убористо заполняя тетрадку девчоночьим почерком.

Бабаня выглянула из кухни – перед ней над столом нависла длинная седая челка пожилой дочери. Челка колебалась в такт движению пишущей руки.

– Позвони, а, Валь... – попросила, бабаня. – Я боюсь без Илюши... током убьет.

Валя, чертыхаясь, разогнула уставшую спину, набрала номер редакции.

– Отдел писем... – сообщили в трубке детским голоском.

– Илью Семеновича, пожалуйста, – сухо обронила мать.

– И-лю-у-ша-а! – пропел голосок куда-то в пространство. – Тебя!

Валя долго ждала, пока сын возьмет трубку.

– Дорогая редакция, – также сухо сказала она, – мы купили кроликов, а у них в ушах завелась шелуха. Посоветуйте в вашей рубрике «О том, о сем»...

– Ну, короче... – перебил сын. – Что случилось?

– Ты не забыл, что бабаня ждет тебя к шести?

– Дорогие читатели, – приветливо ответил Илья, – для того, чтобы у кроликов не шелушились уши, нужно хотя бы один день воздержаться от звонков в редакцию, пусть даже речь идет о таком священнодействии, как стирка.

Он повесил трубку. Мать быстро набрала номер.

– Захвати полбуханки ржаного, – сказала она.

* * *

...У выхода из редакции на скамеечке сидел Семен Ильич – длинный, сутулый, в просторном сером плаще.

– Приветствую, Семен Ильич! – Илья подошел и сел рядом.

– Здравствуй, сынок! – воскликнул отец, приобняв Илью одной рукой, второй он придерживал какой-то сверток. – Ну, как ты, как дома?

– Да по-прежнему... Слушай, опять на тебе какая-то хламида.

Неизменно свежевыбритый, с аккуратно подстриженной седой головой, Семен Ильич все-таки выглядел всегда неухоженным, «неприбранным». Может быть, это объяснялось тем, что он покупал себе слишком широкие рубашки, брюки, джемпера – в одежде он любил чувствовать себя свободно, сказывались привычки старого геолога.

– Где – плащ?.. – спросил отец, оглядев себя. – А, это я в ГУМе купил, он импортный, польский. Ты считаешь, надо сузить? Ну, я прострочу на машинке. Илюша, вот какое дело, я условиться с тобой хотел... Мне в местном обещают путевку на май для Вали. В Евпаторию. Твердо обещают. Там от нашего министерства прекрасный санаторий – ванны, диетическое питание, нуты сам понимаешь...

– Ну?

– Для ее печени это необходимо – раз в году подлечиться. Так ты ей скажешь, что у себя в редакции взял, ну как в те разы с Кисловодском было...

– Ну, хорошо...

– Только не проговорись, смотри!

– Ладно.

– И заранее начинай... Сегодня приди и невзначай так... за ужином, мол, обещают... Есть?

– Есть.

– Вот и прекрасно. На работе что нового? Каташев не уволился еще?

Илья усмехнулся весело, щелчком сбил упавшую на плечо отца сухую сережку с дерева.

– Я всегда удивлялся твоей памяти, ты всякую мою чепуху помнишь...

– С ума сошел? – возразил отец. – Почему твои дела – чепуха? У меня только один сын. Как же не помнить о его делах?.. Ой! – лицо его вдруг осунулось, он оторопело и испуганно смотрел на Илью.

– Что такое?

– Ой, она же в мае не поедет! – расстроено воскликнул Семен Ильич. – Тьфу, старый дурак, совсем забыл – у нее же десятый класс, выпускной, в мае экзамены! Какая там Евпатория! Вот дурень старый, а...

– Ну не расстраивайся.

– На июнь просить? На июнь вряд ли дадут. Тогда уж на август... А?

– Ну, конечно... – Илья кивнул на сверток, – что это у тебя?

– Да вот, – засуетился отец. – Илюша, вот сослуживица купила сыну, оказалось – велика. Я взял для тебя и не знаю: кстати, некстати?

– А ну, дай... – Илья раскинул на коленях темно-серую «водолазку», пощупал материю.

– Ну, ты молоток, Семен Ильич, блеск «водолазочка»!

– Нравится, да? – обрадовался отец. – Порви на здоровье, Илюша.

– Ладно, – сказал Илья, поднимаясь. – Ты уж извини, бабня сегодня стирает, такой великий день...

– Конечно, конечно! – воскликнул отец. – Что ж ты сразу не сказал? Дома же волнуются, иди!

Защитив от солнца глаза, Семен Ильич, прищурившись, смотрел на Илью. Красивый у него получился сын, никто не скажет – солнце в каштановом чубе играет, глаза серые, насмешливые.

Перед тем как завернуть за угол, Илья обернулся, отсалютовал отцу свертком.

– До свидания, до свидания, будь здоров, – пробормотал себе Семен Ильич.

Илья открыл своим ключом дверь, положил на тумбочку полбуханки ржаного, прислушался. Из кухни был слышен голос матери – профессионально внятный, с учительскими интонациями.

– И если в классе восемнадцать балбесов, то по истории будет восемнадцать двоек, говорю... Вы – завуч! Родителей боитесь? – говорю. Приведите ко мне восемнадцать родителей, я объясню им, что такое История!

Илья бесшумно надевал тапочки.

– Я учитель старой закалки, – говорю, – и вам меня на колени перед ведомостью не поставить! Плевала я на ваши девяносто восемь и семь десятых процента.

Не зажигая света, Илья на ощупь нашел за дверью старую заветную кошелку, в которой бабка держала яблоки, нащупал одно, вытер его о рукав рубашки и надкусил.

– А знаешь, мам, – продолжала на кухне мать уже тише и задумчивей. – Я, наверное, сильно постарела, со мной что-то случилось. Я опять, как в детстве, стала нищим подавать. Иду вчера по рынку...

– У нас нет нищих!

Мать и бабка обернулись, как по команде. Прислонившись к косяку, Илья сочно жевал яблоко, – веселый, приятно расположенный ко всем.

– Нет у нас нищих, – подмигнув бабане, повторил он, – остались только тунеядцы и алкаши.

– Дурак ты, Илья, – устало сказала мать.

– Но какие сочинения писал я в десятом: классе! – он прошелся по кухне, с удовольствием грызя яблоко. Бабка засуетилась, поставила на огонь кастрюлю с борщом – собралась кормить внука.

– Дон Кихот занюханный, продымленный, – сказал Илья проникновенно, садясь напротив матери, – у восемнадцати балбесов будет не восемнадцать, а тридцать шесть родителей, и всем им не объяснишь, что такое эта твоя Ис-то-рия! А, кстати, кому нужна твоя история? Пока эти гаврики школу закончат, она уже три раза переменится.

– Кто переменится? – взвилась мать. – Ты что несешь, борзописец?! Когда это История менялась?

– Когда угодно... – ласково и дружелюбно ответил сын. – Ладно, маман, не надо бить копытами.

– Ну и дуб ты, Илья, – воскликнула мать.

– Валя! – бабка всплеснула руками от негодования. – Ну, петухи!

– Ничего, бабаня, голубок ты мой, дуб – это ценная порода древесины! – Илья лениво поднялся, ушел в переднюю и вернулся со свертком.

– Я принес вам три привета. Слышишь, мать? От твоего мужа, моего отца и бабаниного зятя.

– Как он выглядит? – Заволновалась бабка. – Худой?

– Как обычно. – Илья развернул сверток. – Вот, принес.

– Ай, Семен, Семен! – бабаня разулыбалась, прослезилась от удовольствия. – Красивый свитер, дорогой, а? Надень, Илюша, – не мал?

Мать закурила, сунула зачем-то коробок спичек в карман халата и вышла из кухни.

– Балует, – громко сказала она в комнате вроде бы самой себе.

Бабка топталась вокруг здорового внука, оглаживая новую вещь на нем, красивую, дорогую, отец подарил:

– Раздался, раздался...

– Раздался... – сказала мать в комнате, – скоро вышибет дно и выйдет вон.

– Илюша, – бабка понизила голос, чтоб дочь не слышала. – А сам-то он, Семен, как?

– Ну, я же сказал, баб, нормально!

– Мосты он сделал себе? Собирался...

– Бабань, знаешь, я уже лет с пятнадцати никому в рот не заглядываю.

– Напрасно, – ехидно вставила мать, – может, ума бы у кого набрался.

Илья подошел к ней, обнял прямые худые плечи.

– Мать, – нежно протянул он, – давай, наконец, дружить. Махни ты на меня чем-нибудь, допускай все до...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.